

Б. А. ЛАЗАРЕВСКИЙ.

ЧЕХОВЪ.

1.

Антонъ Чеховъ не былъ убитъ на дуэли, а умеръ 20 лѣтъ назадъ отъ туберкулеза. И, тѣмъ не менѣе, безвременность его кончины поразила русское общество не меньше, чѣмъ гибель Пушкина и Лермонтова.

Какъ и оба поэта, Чеховъ могъ бы дать нашей литературѣ еще много большихъ цѣнностей.

И...

О послѣднихъ минутахъ писателя замѣчательно художественно передаетъ же-на его О. Л. Книпперъ въ предисловіи къ только что изданнымъ письмамъ Чехова къ ней.

3 июля 1904 года по старому стилю или 16-го по новому я находился во Владивостокѣ въ качествѣ прокурора призового военно-морского суда. Мы ждали обстрѣла японской эскадры, имѣли... были заняты совсѣмъ другими дѣлами... Усталый, замученный, оторванный отъ семьи и родины въ ночь на 3 июля я легъ спать, мечтая объ одномъ: забыться...

Но предъ самымъ разсвѣтомъ мнѣ приснился Чеховъ въ его ялтинскомъ кабинетѣ — блѣдный, съ полусдой боро-дой — и сказалъ:

— А вотъ мой туберкулезъ перешелъ уже и въ кишечникъ...

Затѣмъ я замѣтилъ, что написанный на каминѣ масляными красками этюдъ работы Левитана весь пожухъ, почти выцвѣлъ.

Сновидѣніе было необычно реально. Проснувшись, я увидѣлъ, что кругомъ уже бѣлый день, и услышалъ на улицѣ крикъ продавца-китайца, и все-таки мои глаза искали: гдѣ же Чеховъ?...

Не придавая никакого особеннаго значенія этому сновидѣнію, я, однако, записалъ его въ дневникъ...

А черезъ двое сутокъ, возвращаясь домой, я купилъ продававшійся, на синей бумагѣ, телеграммы и прочелъ, что въ ночь на 3 июля въ Баденвейлерѣ отошелъ въ вѣчность Антонъ Чеховъ, родной и дорогой всей Россіи.

Не могу и не умѣю описать той растерянности и ужаса, которые пережилъ послѣ этого извѣстія. Все остальное — и война и моя личная жизнь — показалось пустяками.

Такъ страшно мнѣ стало и потому, что еще незадолго передъ этимъ я получилъ отъ Чехова ласковое письмо, отрывки изъ котораго привожу ниже.

Позже и по просьбѣ В. С. Миролубова, редактора „Журнала для всѣхъ“, и для газетъ я написалъ нѣсколько статей о Чеховѣ, но только теперь, черезъ двадцать лѣтъ, могу думать и писать объ этомъ спокойно, можетъ быть, потому, что уже и самому недолго осталось, а можетъ быть, и потому, что стало ясно: такой человекъ, какъ Чеховъ, не могъ бы жить въ наше время, не могъ бы видѣть того новаго крѣпостного права, подъ гнетомъ котораго очутились даже и его Художественный Театръ...

Теперь, когда рабство и кровь царствуютъ въ его любимой Москвѣ, и нерусскіе люди насилуютъ Россію, — онъ бы этого не перенесъ и на компромиссы съ красными жандармами не пошелъ бы.

Какъ и всякій крупный писатель, Чеховъ обладалъ даромъ провидѣнія, о которомъ, можетъ быть, и самъ не подозревалъ.

Въ его большой, чудесной повѣсти „Три года“ — по разсказамъ почти романъ, который публика почему-то совсѣмъ забыла, — одинъ изъ героевъ говоритъ:

„Москва, это — городъ, которому придется еще много страдать“.

Въ 1899 году, уже будучи на службѣ въ севастопольскомъ военно-морскомъ судѣ, я узналъ, что въ Ялтѣ поселился Чеховъ. Тогда я уже печатался, но очень рѣдко и сдѣлалъ настоящимъ писателемъ не смѣлъ и думать.

Однако, меня неудержимо тянуло къ Чехову, и я поѣхалъ въ Ялту. Увидѣлъ его возлѣ строившейся тогда дачи и обрадовался до полусмерти, самъ себѣ не вѣрилъ, что слышу его голосъ. Хотѣлось говорить съ нимъ и на другой и на третій день.

Теперь мнѣ ясно, что въ первое время онъ принялъ меня за дилетанта и назойливаго поклонника, и мои посѣщенія, вѣроятно, тяготили его, какъ все лишнее.

Но послѣ прочтенія одного изъ моихъ разсказовъ, — кажется, это былъ „Машинистъ“ — отношеніе Чехова ко мнѣ сразу измѣнилось. И однажды, улыбаясь, онъ сказалъ:

— Вотъ вы воображаете, что будете морскимъ офицеромъ или юристомъ, и не будете ни тѣмъ ни другимъ, а выйдете изъ васъ писатель...

Эти шутилыя слова сладко прозвучали въ моихъ ушахъ.

Кажется, въ 1901 году Чеховъ посвѣтовалъ мнѣ послать нѣсколько разсказовъ въ „Журналъ для всѣхъ“, который, какъ и его редактора В. С. Миролубова, онъ крѣпко уважалъ.

Я не сомнѣвался, что ничего изъ этого не выйдетъ, но послалъ, и всѣ разсказы были напечатаны, а затѣмъ пріѣхалъ въ Крымъ и самъ Миролубовъ.

Въ этотъ же періодъ времени я встрѣтилъ у Чехова и М. Горькаго, который многими и многими обязанъ Чехову. Послѣ его смерти Горькій написалъ свои воспоминанія...

Горькій очень меня заинтересовалъ, но подойти къ нему ближе совсѣмъ не хотѣлось.

Я какъ-то сразу почувствовалъ, что въ этомъ человекѣ, кромѣ большихъ способностей, живетъ еще чисто женская истеричная слезливость, и накинѣло много ненависти къ людямъ за свою предудушую тяжкую жизнь, что онъ не умѣетъ прощать, и что ему совсѣмъ непонятны обаятельная совѣсть и христіанская любовь Достоевскаго.

И почувствовалъ я еще, что этотъ человекъ, волюю или неволю, можетъ и солгать, на что никогда не былъ способенъ Чеховъ...

И дѣйствительно, совсѣмъ недавно, уже здѣсь въ Парижѣ, кто-то показавъ мнѣ страничку изъ дневника Горькаго, гдѣ было написано, будто Чеховъ читалъ разсказы такихъ писателей, „какъ Борисъ Лазаревскій и Олигеръ“...

Десять снисходилъ... Но изъ моихъ разсказовъ до напечатанія Чеховъ читалъ только одинъ — „Машинистъ“ — и очень совѣтовалъ послать его въ журналъ В. А. Поссе „Жизнь“, о чемъ писалъ ему самъ...

Вообще же, въ литературныхъ дѣлахъ Чеховъ по отношенію къ начинающимъ былъ скорѣе сухъ и строгъ, чѣмъ снисходителенъ.

Но можетъ, я не такъ понялъ Горькаго... Не знаю...

Однако, знаю навѣрное, что читать разсказы Олигера, тоже нынѣ покойнаго, Чеховъ вообще не могъ по той простой причинѣ, что Чеховъ умеръ въ 1904 году, а Н. Г. Олигеръ началъ печататься въ 1906 году, а раньше жилъ въ Омскѣ.

Значитъ...

Но Богъ съ нимъ, съ Горькимъ...

Бывая въ семьѣ Чеховыхъ, я видѣлъ, какъ члены этой семьи любятъ своего великаго брата, какъ понимаютъ значеніе его работы, какъ уважаютъ его.

Особенно братъ Иванъ Павловичъ, директоръ и учитель московскаго городского имени императора Александра II училища...

Онъ умеръ два года назадъ. Между прочимъ, и о его смерти я тоже узналъ во снѣ и провѣрилъ это нескоро, со словъ одной москвички, пріѣхавшей въ Парижъ.

Очень похожій по духовному складу на Антона Павловича, онъ не вынесъ большевистскаго, не русскаго режима.

Иванъ Павловичъ очень напоминалъ брата ростомъ и голосомъ. Какъ-то мы шли съ нимъ ночью въ Москвѣ, по Мясницкой площади, я остановился, чтобы закурить папиросу, но спички тухли одна за другой, наконецъ, я достигъ своей цѣли и началъ догонять Ивана Павловича. Приблизившись, я боялся подойти совсѣмъ, до такой степени его фигура напоминала Антона Павловича...

Имѣю основанія думать и чувствую, что Чеховъ любилъ и уважалъ брата Ивана больше всѣхъ братьевъ, любилъ онъ и его сына Володю, который, окончивъ университетъ, вдругъ застрѣлился въ декабрѣ 1917 года. Боявшийся всякихъ сантиментовъ Антонъ Павловичъ разсказывалъ о Володѣ, когда тотъ былъ еще маленькимъ:

— Да... Сидитъ онъ за столомъ, выводитъ букву за буквой и сопитъ...

Чеховъ пошелъ вездѣ и впередъ по кабинету, посмотрѣвъ въ окно, ласково улыбаясь и добавивъ:

— И уши у него торчатъ, вотъ такъ...

Когда я узналъ, что Володя, бывавшій со мной очень искреннимъ, застрѣлился, мнѣ было его крѣпко жалъ, какъ и умершаго отъ дифтерита въ 1911 году моего сына Всевожну, — но теперь мнѣ ясно, что промыслъ Божій творилъ то, что нужно, ибо по возрасту и тотъ и другой попали бы въ красную армію, а Владимиръ Чеховъ, насколько я его зналъ уже юношей, не стерпѣлъ бы службы подъ начальствомъ Троцкаго, да и самая его смерть — самоубійство, весьма вѣроятно, была результатомъ смерти культурной Россіи...

2.

Однажды одна ялтинская поклонница Чехова прислала ему много цвѣтотъ. Антонъ Павловичъ залюбовался ими и, обращаясь ко мнѣ, сказалъ:

— Вотъ знаете, кто не любитъ цвѣтотъ, дѣтей и собакъ, тотъ — или дуракъ, или злой человекъ...

И теперь здѣсь, въ Парижѣ, гуляя иногда въ чудесномъ паркѣ Monseau, я часто вспоминаю эту фразу, ибо здѣсь, во Франціи, — буквально цѣлый культъ цвѣтотъ, дѣтей и собакъ...

И за такую страну не страшно. Все можетъ случиться и здѣсь, но не озвѣрѣютъ эти люди.

А о собакахъ Чеховъ говаривалъ:

— Собаки — хороший народъ...

Въ началѣ знакомства Чеховъ бывалъ со мной суховатъ, должно быть я его

...Въ июль или въ августъ, если здоровье позволяло, я поѣду врачомъ на Дальній Востокъ. Быть можетъ, побываю и во Владивостокѣ... *)

Онъ — въ послѣднихъ градуссахъ чашки — утѣшалъ меня, здороваго и молодого...

Онъ, умирающій, собирался ѣхать лѣчить другихъ...

И вся ласка, вся духовная мощь этого замѣчательнаго человека подыали мою душу, и легче мнѣ стало тянуть свою ляжку...

3.

Мыслями я былъ въ милой Ялтѣ и не понималъ, почему Чеховъ называлъ ее „своей теплою Сибирью“...

Какъ ни какъ, а много тамъ было у него радостныхъ дней, хотя бы пріѣздъ Московскаго Художественнаго Театра... А сколько тамъ написано имъ чудесныхъ вещей: „Въ оврагѣ“, „Дама съ собачкой“ и почти всѣ пьесы...

Между прочимъ, когда въ Севастополѣ стало извѣстнымъ названіе новой пьесы — „Вишневый садъ“, то передавали, будто одинъ еврей говорилъ:

— Кажется, эта пьеса называется „Сосновый лѣсъ“ или „Березовая роща“, ну, однимъ словомъ, какой-то строительный материалъ...

Какъ-то въ разговорѣ съ Чеховымъ я сказалъ о томъ, какъ мнѣ нравятся его сравненія.

— Напримѣръ? — спросилъ онъ.

— Напримѣръ, силуэтъ дерева или камня вы часто сравниваете съ темной фигурой монаха.

— Гдѣ? Это неправда...

— Нѣтъ, правда... Въ „Степи“, въ „Черномъ монахѣ“, въ „Красавицахъ“...

— Да...

Онъ задумался.

Уже послѣ смерти Антона Павловича его братъ Михаилъ Павловичъ мнѣ говорилъ, что черныи монахъ и на самомъ дѣлѣ гресился Антону Павловичу, и не разъ, проснувшись, онъ спрашивалъ:

— А гдѣ же монахъ?..

Тотъ, у кого нѣтъ и не было представленія о какой-то другой жизни по смерти тѣла, не могъ бы написать такихъ словъ. Несомнѣнно, что въ жизни Чехова былъ такой періодъ, когда его мучилъ вопросъ о вѣчности человѣческаго бытія, но, какъ медикъ, какъ натуралистъ, онъ гналъ отъ себя этотъ вопросъ.

Свой талантъ онъ чувствовалъ и, конечно, не могъ не понимать, что получился онъ его не отъ людей и даже не отъ отца и матери... И что все имъ написанное не есть работа одного головного мозга...

Такихъ словъ не могъ бы написать авторъ, не чувствующій, что такое вѣра... Да и врядъ ли во всей русской литературѣ есть болѣе ясное опредѣленіе вѣры.

Къ великому сожалѣнію, со мной въ Парижѣ нѣтъ моихъ старыхъ дневниковъ, изъ нихъ я бы могъ взять много отдѣльныхъ фразъ Чехова, а бывали онъ мѣтки и глубоки.

Кстати, онъ не совѣтовалъ вообще вести дневника и говорилъ:

— Все важное и нужное въ жизни и такъ не забудется, а что уйдетъ изъ памяти, значитъ, было и не важно.

Я съ этимъ никогда не могъ согласиться...

Женильба Чехова испугала его родныхъ. Были счастливы его счастіемъ и мать, и сестра, и братья, но ясно было также видно, какъ въ семью закралась и ревность. Случались на этой почвѣ и слезы и тягостное молчаніе.

— Былъ Антоша нашъ, а теперь не нашъ...

Однако, съ теченіемъ времени чувства эти улеглись, да и благодаря болѣзни Чеховъ не оторвался окончательно отъ Ялты, гдѣ жили его мать и сестра.

Стало онъ какъ будто молчаливѣе, но еще ласковѣе, еще серьезнѣе, хотя любилъ слушать хорошия, незатасканные анекдоты, и самъ иногда острелилъ:

— Вотъ вы, знаете, когда пріѣдете въ какую-нибудь новую страну, то прежде всего обратите вниманіе на уборную... Если тамъ грязно, и на стѣнахъ написаны разныя гадости, то значитъ и люди здѣсь живутъ грязные, некультурные, и изъ такого города лучше уѣхать...

Мѣткость этого полшутливаго замѣчанія меня очень поразила. И теперь, скитаясь по свѣту, я не разъ убѣждался, что Чеховъ сказалъ абсолютную истину...

Начинающіе авторы и писатели уже съ именами часто присылали ему свои новыя книги. Просмотрѣвъ нѣкоторыя, онъ отправлялъ ихъ въ бібліотеку своего родного города, Таганрога.

Стиховъ онъ не любилъ. Иногда и нѣкоторыя независимо отъ имени ихъ автора.

Однажды онъ далъ мнѣ прочесть нѣсколько строкъ А. М. Оедорова и сказалъ:

— Вотъ это хорошо:

Шарманка за окномъ на улицѣ поетъ. Мое окно открыто. Вечерѣтъ... Туманъ съ полей мнѣ въ комнату плыветъ.

Весны дыханье ласковое вѣетъ.

Не знаю, почему дрожить моя рука.

Не знаю, почему въ слезахъ моя щека. Вотъ голову склонилъ я на руки. Глубоко Взгрустнулось о тебѣ. А ты... ты такъ далеко.

Въ слѣдующій разъ, когда Чехова не было въ Ялтѣ, я зашелъ къ его сестрѣ Маріи Павловнѣ и матери Евгениі Яковлевнѣ.

Я прочелъ старушкѣ эти стихи. Мать покачала головой и произнесла:

— Это онъ безъ жены скучалъ, потому ему и понравилось...

4. Я прошу прощенія у читателей въ томъ, что пишу въ этой статьѣ уже много извѣстное, на за послѣднее десятилѣтіе болѣшинству изъ насъ и особенно молодежи было не до Чехова.

И кое-что переизбылось совсѣмъ, а литература о Чеховѣ осталась въ нерусской Россіи. И какъ разъ очень недавно я прочелъ, что съ будущаго сезона 1924-25 г. постановлено въ Московскомъ Художественномъ Театрѣ снять съ репертуара всѣ пьесы Чехова, какъ „буржуазная“...

Въ годъ десятилѣтія со дня кончины Антона Павловича въ Петербургѣ вышелъ специальный номеръ „Солнце Россіи“, котораго теперь не достать. У меня сохранились кое-какія вырѣзки. Одна изъ нихъ подтверждаетъ, какъ не любилъ Чеховъ новыхъ кривляющихся пьесъ:

„У актера Художественнаго Театра Лужскаго былъ вечеръ. Одинъ изъ гостей, поэтъ Б., сталъ декламировать свои стихотворенія. Антонъ Павловичъ то появлялся въ комнату, гдѣ декламировалъ поэтъ, то переходилъ къ намъ, сидѣвшимъ рядомъ въ комнатѣ и оттуда слушавшимъ поэта. Когда Б. дошелъ до стихотворенія, гдѣ упоминается объ озерѣ и лебедяхъ, онъ (Чеховъ) наклонился къ намъ, сидѣвшимъ на диванѣ, и сказалъ въ полголоса: „Если бы сейчасъ кто-нибудь продекламировалъ изъ Лермонтова, то отъ него (Чеховъ) указалъ глазами на соседнюю комнату“ ничего бы не осталось...“

Лермонтова онъ любилъ и чувствовалъ весь трагизмъ этого не въ свое время родившагося гиганта.

Оба погибли въ июль мѣсяцѣ.

Богъ знаетъ, просуществовать ли мы еще пять лѣтъ и какъ, и доживемъ ли до двадцатилѣтія со дня смерти Чехова, но я бы посвѣтовалъ тѣмъ молодымъ людямъ, для которыхъ это имя свято, собрать воедино всю литературу о Чеховѣ.

Изучая его жизнь и слова, можно научиться не только любить художественную литературу, но и какъ быть порядочнымъ человѣкомъ вообще.

5.

Чеховъ былъ уменъ и гордъ.

Онъ никогда не кланялся ни направо ни налево. Надъ марксистами подтрунивалъ. Посылая разсказъ „Въ оврагѣ“ въ редакцію журнала „Жизнь“, онъ чуть прищурился, улыбулся и сказалъ мнѣ:

— Пожалуй, еще не примутъ, вѣдь разсказъ-то антимарксистскій...

Я тоже улыбулся и отвѣтилъ:

— Они не сообразятъ. И ваше примутъ все...

Такъ и случилось.

Къ самому себѣ Чеховъ былъ строгъ, но бывалъ строгъ и къ тѣмъ вообще, кому много дано.

Разочаровавшись въ А. С. Суворинѣ, онъ молча отошелъ отъ него и не продавалъ ему полного собранія сочиненій, несмотря на то, что Суворинъ предлагалъ гораздо большую сумму, чѣмъ „Нива“.

Вспоминая Чехова въ наши трагическіе дни, я убѣжденъ, что Чеховъ теперь вернулся бы отъ многихъ изъ уцѣлѣвшихъ его современниковъ. Не сомнѣваюсь, что и съ Горькимъ онъ болѣе не разговаривалъ бы.

Пролетарскій буревѣстникъ, Укативъ отъ людоеда, Издастъ въ Берлинѣ вѣстникъ Съ кроткой вывѣской „Беседа“.

Анекдоты, бормотанье (Буревѣстникъ, знай, зачѣхъ) И лояльное молчанье О совѣтскихъ палачахъ... *)

Вотъ съ этимъ молчаньемъ о палачахъ Чеховъ, навѣрное, и не помирился бы.

Звѣрство справа или звѣрство слѣва — ему были одинаково противны... И не простилъ бы Чеховъ никогда коммунистамъ и страданій русскихъ дѣтей, о тяжкой участи которыхъ знаютъ всѣ... Крѣпко любя Льва Толстого, Чеховъ, однако, заявилъ по поводу „Крейцеровой сонаты“, что непремѣнное отвращеніе женщины къ половому акту — чепуха.

Какъ докторъ, онъ зналъ фیزیологію женщины.

Но когда Толстой смертельно заболѣлъ, Чеховъ разволновался. Ходилъ вездѣ и впередъ по кабинету и говорилъ мнѣ:

— Вы знаете, есть люди, которые не смѣютъ дѣлать гадостей только потому, что еще живъ Толстой... Вѣдь этакая онъ каланча въ искусствѣ...

Наивысшей гадостью Чеховъ считалъ жестокость человѣка къ человѣку...

Ни въ одной изъ своихъ до сихъ поръ напечатанныхъ статей о Чеховѣ я не помѣстилъ воспоминанія о сахалинскомъ тюремщикѣ, котораго встрѣтилъ во Владивостокѣ въ 1904 году.

Я сидѣлъ на верандѣ ресторана, на Свѣтланской улицѣ, надъ той самой бухтой, которую Чеховъ называлъ чудесной. Погода была тихая, и хорошо, хоть и не весело, думалось. Но мѣшали пьяные за соседнимъ столикомъ. Особенно горячился и хрипѣлъ маленький старикашка въ парусиновомъ грязномъ кителѣ со свѣтлыми пуговицами. Ностъ у него былъ буквально синий, а красная вѣки слезились. Онъ не смѣялся, а хрипѣлъ и потомъ долго кашлялъ и плевалъ чѣмъ-то зеленымъ прямо на полъ...

Вдругъ мое ухо уловило слово: Чеховъ. Я не выдержалъ и спросилъ:

— А вы его видали?..

— Какъ же-съ, какъ же-съ... И даже бесѣдовали мы съ нимъ. Только ничего замѣчательнаго я въ немъ не нашелъ... Писатель, ну, и писатель... Пожелалъ присутствовать въ моей тюрьмѣ при тѣлесномъ наказаніи... Ну, и осужденный выдержалъ, а Чеховъ не выдержалъ, поблѣднѣлъ, какъ бумага, что-то пробормоталъ и ушелъ, почти убѣжалъ... Да-съ... Ретировался.

Старичка опять разсмѣялся, а затѣмъ закашлялся...

Я скоро ушелъ изъ ресторана и затѣмъ долго думалъ, что долженъ былъ пережить Чеховъ, наблюдая „работу“ палача...

И теперь часто думаю объ этомъ эпизодѣ. Тамъ связали и мучили одного — въ чѣмъ-то виноватаго — человека...

А теперь связали всю Россію и... И вспоминается мнѣ племянникъ Чехова Володя, полный силъ, только что окончившій университетъ, — не могъ онъ видѣть связанной Россіи и пустил пулю въ лобъ.

Не пережилъ бы этой картины и его великій дядя, если бы даже не былъ боленъ чахоткой...

Его любимая Москва...

Но нѣтъ силъ объ этомъ писать. Знаю только, что о работѣ палачей, седьмой годъ истязавшихъ тысячи лучшихъ людей, Антонъ Чеховъ не могъ бы молчать.

И хорошо сдѣлалъ, что не дожидъ... Ставятся памятники въ Москвѣ социалистамъ всѣхъ сектъ, но памятника Чехову нѣтъ, и можно быть увѣреннымъ, что и не скоро будетъ...

Въ Германіи, на мѣстѣ кончины писателя, въ Баденвейлерѣ былъ сооруженъ очень непохожий мѣдный бюстъ, но, когда началась война, его сняли и расплавили, чтобы надѣлать патронныхъ гильзъ...

И еще разъ хочется повторить:

— Хорошо сдѣлалъ, что не дожидъ.

Борисъ Лазаревскій.

Парижъ.

* Саша Черный.

Рис. Г. Г. Рахматовъ.